бодных средств в обращении). Это мы наблюдали и в конце 1980-х, и в период недавнего предкризисного бума. Но и в условиях глобального кризиса зависимость проявилась — упали и обороты, и цены в некоторых его сегментах. Потому что сократился платежеспособный спрос. Таким образом, можно говорить лишь о низкой или слабой (в силу его общего отставания и разновекторности в отдельных сегментах — не будем забывать, что общерыночный индекс на арт-рынке такой же значимости показатель как «средняя температура по палате»), но не отрицательной корреляции с финансовым и товарным рынками.

По теории, как мы уже говорили, кризис на арт-рынке (и рынке недвижимости) отстает от кризиса на фондовом рынке на шесть-девять месяцев, так как сначала происходят промышленный спад, падение покупательной способности и лишь затем оказываются затронутыми другие активы.

И рынок недвижимости, и арт-рынок подвержены действию макроэкономических факторов, и их собственные кризисные фазы являются следствием влияния процессов, протекающих в других отраслях экономики, в первую очередь — финансовой. То есть вопрос о том, с чем коррелируется арт-рынок, сегодня для многих аналитиков понятен — с наличием свободных денежных средств и накоплением богатства.

Любой кризис делает бедных еще беднее, а богатых — еще богаче, соответственно, концентрация богатства в мире достигла сейчас просто поразительного уровня. Например, в 2013 году численность UHNWI (людей, чей инвестиционный потенциал составляет более $30 млн) поставила абсолютный рекорд всех времен и их совокупное богатство приблизилось к $28 трлн.

И если мы посмотрим, какую долю составляют покупка произведений искусства и арт-активы в совокупном капитале или в составе активов этих клиентов, то поймем, что в мире огромное количество свободных денег. Считается, что средний миллиардер держит $31 млн в искусстве, то есть общий объем средств миллиардеров, вложенных в искусство, составляет $2,6 млрд в 2013 году. А рост численности миллиардеров с 2012 по 2013 год означает, что на арт-рынок пришло около $2 млрд дополнительных свободных капиталов. В 2014 году концентрация богатства продолжилась — естественно, что на арт-рынке будут новые рекорды. В высшем сегменте. Способствует этому и общий процесс вымывания вещей высшего качества с рынка — за шедеврами, если они появляются, открывается настоящая охота. И вещи музейного уровня с хорошим провенансом по-настоящему надежная инвестиция.

Вообще, в условиях современной глобализации экономических процессов полагать, что какой-либо рынок может существовать вне мировых экономических явлений — значит полностью игнорировать законы здравого смысла. Именно это делали те, кто пытался создавать сенсацию из падения оборотов и капитализации арт-рынка на фоне кризиса, декларируя, что рынок искусства как таковой перестал быть убежищем для капитала. В условиях Великой депрессии, кризисов и войн альтернативой вложениям в финансовый рынок являлись и являются сегодня инвестиции в «вечные ценности» и другие материальные активы, поскольку даже если они теряют ликвидность и цены на них частично падают в условиях сжавшегося спроса, эти активы не исчезают бесследно, как акции обанкротившихся предприятий, они остаются и со временем восстанавливают ценность при условии, разумеется, что актив этой ценностью обладает изначально (в силу уникальности, сжатости, других эксклюзивных характеристик). Нынешний опережающий темп восстановления арт-рынка тому пример.

ЗА ШЕДЕВРАМИ, ЕСЛИ ОНИ ПОЯВЛЯЮТСЯ, ОТКРЫВАЕТСЯ НАСТОЯЩАЯ ОХОТА. И ВЕЩИ МУЗЕЙНОГО УРОВНЯ С ХОРОШИМ ПРОВЕНАНСОМ ПО-НАСТОЯЩЕМУ НАДЕЖНАЯ ИНВЕСТИЦИЯ

«ГАЗПРОМБАНК»

ИЗ КОРПОРАТИВНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ГАЗПРОМБАНКА. ОЛЬГА ЧЕРНЫШЕВА, ИЗ СЕРИИ «В ОЖИДАНИИ ЧУДА», 2000 ГОД

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР ДЕНЕГ

BG: Что можно сказать об инвестиционных фондах искусства? Какая ныне ситуация и перспективна ли эта модель вложения средств в искусство?

М. С.: ПИФ искусства — это лишь механизм превращения искусства в финансовый актив. Здесь меньше искусства и больше финансов.

При создании инвестфондов создаются «стратегические альянсы» управляющих, инвестиционных аналитиков и профессионалов арт-рынка для применения технологий финансового рынка к рынку предметов искусства. Они оперируют как профессиональные инвесторы, полностью свободные от эмоционального фактора.

Конечно, они имеют ряд преимуществ в инвестиционном смысле: они позволяют диверсифицировать активы и реализовывать самый главный, базисный принцип, который работает на арт-рынке,— покупать только лучшее. Кроме того, арт-фонды обеспечивают прозрачность и защищают инвестора от многих рисков. Но у арт-фондов есть колоссальный недостаток: они не дают покупателю возможность насладиться магией обладания, не учитывают то, что большинство покупателей не могут относиться к искусству просто как к арт-активу. Поэтому, с моей точки зрения — а совсем не из-за невозможности арт-фондов показывать доходность, и возникает проблема. То есть то, что должно стать преимуществом при инвестировании,— свобода от эмоций и вкусовых преференций — превращается в недостаток.

Все опросы показывают, что сегодня только 8% управляющих инвестиционными активами предлагают своим клиентам инвестировать в арт-фонды (в 2012 году было 26%). Ныне профессионалы арт-рынка видят главную функцию фондов в том, чтобы облегчить коллекционерам вход на арт-рынок (например, обеспечить доступ к экспертам и экспертизе, которых отдельные покупатели не имеют). Сейчас образовался зазор между тем, чего покупатели ждут от арт-индустрии, и тем, что арт-индустрия реально может им предложить. Поэтому, как мы уже говорили, арт-индустрия пересматривает текущую модель с учетом этих ожиданий. Вот 78 коллекционеров из 100 сказали, что их главным мотивом при покупке искусства является эмоциональный фактор. А 61 из 100 отметили, что им очень важен также социальный аспект. Поэтому фонды должны переосмыслить свои задачи, превратиться в некий бутик, предложить модель «с одним окном», комплекс всех услуг. И это то самое, что мы и старались создать, задумывая арт-банкинг.

Но в целом существует понятие «коллекционер-инвестор» — может быть, не в каждом инвесторе есть коллекционер, но зато каждый серьезный коллекционер, создавший значимую по содержанию и художественной ценности коллекцию, в итоге оказывается отличным инвестором.

КОЛЛЕКЦИЯ О РОССИИ

BG: В прошлом году вы попали в топ-50 самых влиятельных людей в российском искусстве по версии газеты The Art Newspaper Russia. Как это случилось?

М. С.: Думаю, в первую очередь этим я обязана нашей корпоративной коллекции — точнее, успеху выставки работ из состава этой коллекции в Музее Альбертина в Вене в прошлом году За неполные полтора месяца работы ее посетило более 100 тыс. человек. Это настоящий, большой успех, подтверждение интереса, который в мире испытывают к современному искусству России, и правильности нашей установки собирать отечественное — с 1990-х годов по сегодняшний день.

BG: Почему банк вообще решил собирать искусство?

М. С.: Газпромбанк всегда поддерживал культуру. В этой сфере нами реализовано немало проектов. Мы всегда понимали, что коллекционирование является одним из важных способов сохранения и пополнения культурного наследия.

На протяжении веков коллекционеры вкладывали свои знания, вкус, средства в создание собраний, которые затем становились частью мирового культурного наследия. Российские традиции были, возможно, не столь древними, как западноевропейские, но именно просвещенному вкусу российских собирателей мы обязаны самыми значительными музейными собраниями. Кто сегодня помнит, каким бизнесом занимались Щукин и Третьяков — их имена прославлены именно их коллекциями. На основе коллекций и сегодня создаются частные музеи — эта тенденция сейчас набирает силу в России, будем надеяться, что принятие закона о меценатстве придаст ей новый импульс.

BG: Почему банк выбрал современное искусство?

М. С.: Солидный банк должен быть в известном смысле консервативен или, во всяком случае, соблюдать приверженность каким-то традиционным ценностям, а покупка искусства является одной из таких ценностей. С другой стороны, любой банк должен быть открыт инновациям, должен смотреть вперед и думать о будущем. И поэтому создание коллекции современного искусства отражает и наш здоровый консерватизм, и нашу уверенность в завтрашнем дне. Мы надеемся, что эта коллекция будет наследием будущих поколений. Современное искусство как лаборатория идей — именно здесь рождаются инновационные модели мышления, происходят креативные процессы.

Стратегия, лежащая в основе любой удачной коллекции, состоит не только в том, чтобы покупать произведения состоявшихся известных художников. Опережая время, передовые коллекционеры приобретают работы художников, которые только по прошествии лет становятся признанными мастерами. Именно мы, современники, можем делать ставки и определить, кому войти в «будущее, которое берет не всех», (процитируем Илью Кабакова — единственного живущего российского современного художника, уже ставшего частью мирового культурного Олимпа). Тот, кто завтра приобретет статус гения, сегодня находится рядом с нами, задача коллекционера — это распознать.

Коллекция Газпромбанка уникальна тем, что является первым корпоративным художественным собранием, целенаправленно посвященным искусству «новой России». В ней представлены все жанры и техники: живопись, рисунок, фотография, скульптура, перформанс и видеоарт, то есть современное искусство России во всем его разнообразии. Кстати, это наше начинание оценило и профессиональное финансовое сообщество, наградив банк специальной премией в номинации «Культурная инициатива».

ДОСТУПНЫЙ СОВЕТ

BG: Какие советы вы можете в заключение дать тем, кто еще не начал покупать искусство?

М. С.: Приведем известную инвестиционную максиму, приписываемую Ротшильдам, относительно того, как должен выглядеть надежно защищенный от финансовых превратностей капитал: одна треть капитала — в ценных бумагах, вторая — в недвижимости, третья — в произведения искусства. Они не уточнили, в какое искусство следует вкладывать средства, чтобы сохранить их и преумножить. Для Ротшильдов это было очевидно: держаться подальше от моды и собирать искусство, проверенное временем. Эта стратегия была и остается самой надежной.

И еще несколько аксиом, которые легко формулировать, так как они проверены практикой, но которым совсем нелегко следовать.

Вложения в искусство всегда долгосрочные инвестиции — не стремитесь заработать на краткосрочных спекулятивных стратегиях, это удел профессионалов. Покупайте только лучшее в тех категориях, которые вам доступны. Не становитесь жертвой шумихи и кампаний по раскрутке разного рода, покупая в «модном тренде», воспитывайте собственный вкус и следуйте собственным потребностям. Покупая искусство для себя, вы получите дивиденды в виде эстетического удовольствия, в виде возможности самовыражения, в виде социального признания, наконец, в виде открытия новых миров и новых ценностей. Поэтому цена, которую вы заплатите, в любом случае — и сегодня, и через много лет — будет отражать подлинную ценность вещей, в первую очередь в ваших глазах, а ведь это самое главное. Неудивительно, что именно увлеченные коллекционеры зачастую являются и лучшими инвесторами, настоящий коллекционер выигрывает всегда.

Беседовала **ТАТЬЯНА МАРКИНА**